Научная статья
УДК 343.98
EDN QPPMLK
DOI 10.17150/2411-6122.2025.4.63-71

О цифровом алиби в России

А.Ф. Реховский

Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Российская Федерация, A.Rekhovskiy@vvsu.ru

Аннотация. В статье исследуется эволюция концепции цифрового алиби в российском уголовном процессе и криминалистике. Выделены три этапа ее развития: формирование теоретических основ (2001–2011 гг.), концептуализация (2011–2019 гг.) и систематизация с институционализацией (2019–2025 гг.). Анализируются ключевые элементы цифрового алиби — временная привязка к уголовно-релевантному времени, пространственное несовпадение, взаимодействие с цифровыми системами и доказательственная функция виртуальных следов. Обосновывается необходимость расширения традиционного понимания алиби применительно к дистанционным преступлениям. Анализируется категория «хронотопа преступления» как методологической основы для соотнесения цифровых следов с пространственно-временными координатами деяния. Сформулирована обновленная дефиниция цифрового алиби и подчеркнута важность комплексной проверки на основе совокупности традиционных и электронных доказательств.

Ключевые слова: цифровое алиби, виртуальные следы, дистанционные преступления, хронотоп преступления, электронные доказательства, уголовный процесс, криминалистика.

Для цитирования: Реховский А.Ф. О цифровом алиби в России / А.Ф. Реховский. — DOI 10.17150/2411-6122.2025.4.63-71. — EDN QPPMLK // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2025. — № 4. — С. 63–71.

Original article

On Digital Alibi in Russia

A.F. Rekhovskiy

Vladivostok State University, Vladivostok, the Russian Federation; A.Rekhovskiy@vvsu.ru

Abstract. The article examines the evolution of the concept of a digital alibi in Russian criminal process and criminalistics. Three stages of its development are singled out: formation of its theoretical foundations (2001–2011), conceptualization (2011–2019) and systematization with institutionalization (2019–2025). Key elements of a digital alibi are analyzed — temporal binding with a criminally relevant time, spatial discrepancy, interaction with digital systems, and the evidentiary function of virtual traces. The author argues for expanding the traditional understanding of alibis to accommodate remote-offense scenarios. The category of the “chronotope of crime” is analyzed as a methodological basis for establishing a correlation between digital traces and spatiotemporal coordinates of the offense. An updated definition of a digital alibi is proposed, and the importance of a comprehensive verification based on an aggregate of traditional and electronic evidence is stressed.

Keywords: digital alibi, virtual traces, remote offenses, chronotope of the crime, electronic evidence, criminal procedure, forensic science.

 DOI 10.17150/2411-6122.2025.4.63-71 ISSN 2411-6122

For citation: Rekhovskiy A.F. On Digital Alibi in Russia. *Sibirskie Ugolovno-Processual'nye i Kriminalisticheskie Chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings,* 2025, no 4, pp. 63–71. (In Russian). EDN: QPPMLK. DOI: 10.17150/2411-6122.2025.4.63-71.

Современный этап развития российского общества характеризуется масштабной цифровой трансформацией всех сфер жизнедеятельности, включая правоохранительную и судебную системы. Активное внедрение информационно-телекоммуникационных технологий в повседневную жизнь граждан привело к формированию новых форм криминалистически значимой информации и способов доказывания обстоятельств по уголовным делам. В этих условиях особую актуальность приобретает исследование феномена цифрового алиби как специфической формы защиты прав подозреваемого и обвиняемого в уголовном процессе.

Цифровое алиби представляет собой относительно новое явление для отечественной криминалистики и уголовно-процессуальной науки. Если традиционное алиби основывается на показаниях свидетелей, документах материального характера и иных вещественных доказательствах, то цифровое алиби опирается на электронные следы взаимодействия лица с цифровыми системами. Согласно ч. 1 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, алиби определяется как нахождение подозреваемого или обвиняемого в момент совершения преступления в другом месте. Однако данная дефиниция не учитывает специфику дистанционных преступлений и особенности цифровой среды.

Степень научной разработанности проблемы цифрового алиби остается недостаточной. Отдельные аспекты данной темы рассматривались в работах И.П. Пономарева, В.В. Полякова, А.В. Малык, О.П. Виноградовой, В.Б. Вехова, А.Б. Смушкина и др. Вместе с тем комплексные исследования правовой природы, процессуального значения и методики проверки цифрового алиби в российском уголовном судопроизводстве практически отсутствуют. Недостаточно разработаны тактические операции по установлению и проверке цифрового алиби, не определены критерии оценки достоверности цифровых следов.

Целью настоящего исследования является анализ теоретико-правовых и практических аспектов института цифрового алиби в российском уголовном судопроизводстве и разработка научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию методики его проверки.

Цифровое алиби как криминалистическое понятие начало формироваться в отечественной науке в начале XXI в. в связи с развитием информационных технологий. Впервые термин «digital alibi» был использован в зарубежной научной литературе для обозначения ситуаций, когда невиновность лица подтверждается данными о его работе на информационно-технологическом устройстве в момент совершения преступления. В англоязычной научной литературе концепция цифрового алиби разрабатывается преимущественно в рамках цифровой криминалистики (digital forensics). Основополагающим трудом в этой области является монография E. Casey "Digital Evidence and Computer Crime: Forensic Science, Computers and the Internet", где целая глава посвящена использованию цифровых доказательств в качестве алиби.

E. Casey подчеркивает, что *ключевыми элементами информации в алиби являются время и местоположение, и когда индивид совершает какие-либо действия с использованием компьютера или сети, время и местоположение часто фиксируются, генерируя цифровые доказательства, которые могут быть использованы для подтверждения или опровержения алиби* [1, p. 323].

В российской криминалистике данная проблематика получила развитие в работах представителей воронежской школы криминалистики.

Представляется обоснованным выделить в эволюции концепции цифрового алиби три этапа. Первый этап (2001–2011 гг.) характеризуется формированием ее теоретических основ: разработкой базовых категорий — таких как «виртуальные следы» и «электронные доказательства», а также закладкой методологических предпосылок для последующего концептуального оформления цифрового алиби.

Теоретической основой концепции цифрового алиби следует считать научные труды В.А. Мещерякова. Работы профессора Воронежского государственного университета представляют собой фундаментальные исследования методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации и природы цифровых (виртуальных) следов, заложившие теоретическую и практическую базу современной криминалистики [2]. В частности, в своей работе 2008 г. он раскрывает специфику виртуальных следов как электронно-цифровых отражений преступной активности, фиксируемых компьютерными системами. Особое внимание уделяется диалектическому и системному анализу процесса следообразования в цифровых средах, а также механизмам изъятия звуковых сигналов, фото- и видеоданных и проблемам поиска виртуальных следов в ходе следственных действий [3, с. 221].

Второй период (2011–2019 гг.) ознаменовался концептуализацией цифрового алиби. В 2011 г. И.П. Пономарев предложил первое научное определение данной категории, трактуя цифровое алиби как «факт непосредственного взаимодействия подозреваемого (обвиняемого) в момент совершения преступления с электронной системой, находящейся в другом месте» [4, с. 437]. Этот этап характеризуется началом системного осмысления роли цифрового алиби в уголовно-процессуальном доказывании, включая вопросы его допустимости, достоверности и оценки в совокупности с иными доказательствами.

И.П. Пономарев отмечает: «К материальным следам взаимодействия с цифровой информационной системой относятся: следы на периферийном оборудовании, клавишах, других материальных объектах, участвующих в процессе работы, распечатках остаются пальцев рук, следы табака и т.д., которые трудно привязать к определенному времени, особенно при постоянном контакте» [4, с. 439].

Указанные ограничения традиционных материальных следов, связанных с цифровой активностью, — такие как трудность временной привязки и низкая специфичность — обусловили необходимость перехода от фрагментарного анализа к целостной, системно организованной концепции цифрового алиби.

Третий период (2019–2025 гг.) характеризуется систематизацией теоретических наработок и началом практической институционализации концепции цифрового алиби. На этом этапе осуществляется углубленная разработка методологических подходов к его проверке, включая критерии достоверности, способы верификации и оценку рисков

 DOI 10.17150/2411-6122.2025.4.63-71 ISSN 2411-6122

манипуляции данными. Одновременно происходит интеграция цифрового алиби в общую теорию доказательств уголовного процесса, а также формирование практических рекомендаций для следственных и судебных органов, направленных на обеспечение его корректного использования в доказывании.

Анализ концепции цифрового алиби не может обойтись без использования базовых положений теории алиби в криминалистике. Как отмечали авторитетные исследователи теории алиби В.И. Шиканов, Н.В. Кручинина и другие ученые-криминалисты алиби рассматривается как логическая система, включающая три основных элемента: 1) Место совершения преступления — конкретное место, где было совершено преступление, которое расследуется; 2) Время совершения преступления — точный или достаточно определенный момент или период времени, когда произошло преступление; 3) Местонахождения лица, заявляющего алиби — место, где подозреваемый или обвиняемый фактически находился в момент преступления. Эти три элемента должны быть установлены и сопоставлены, чтобы сделать вывод о наличии или отсутствии алиби. Если факт пребывания лица в другом месте в нужное время доказан, то это исключает возможность его участия в преступлении [5].

И.Г. Смирнова обосновывает расширение понятия алиби для учета цифровых форм в расследованиях киберпреступлений. Автор подчеркивает, что традиционное алиби недостаточно для цифровой среды, где ключевую роль играют виртуальные доказательства. Выделяются виды алиби (классическое, переходное, моральное, ложное), с акцентом на их применение в защите обвиняемых. Предлагается интеграция цифрового алиби в уголовный процесс для повышения эффективности доказывания. И.Г. Смирнова отмечает, что «… понятие алиби в узком смысле может оказаться недостаточным, и тогда появляется необходимость в более широком его понимании, включающем такие формы, как цифровое алиби» [6, с. 42].

В дальнейшем наличие цифровой активности со стороны подозреваемого или обвиняемого, заявившего алиби, становится неотъемлемым элементом последующих научных дефиниций цифрового алиби.

А.Б. Смушкин определяет цифровое алиби как «нахождение подозреваемого в уголовно-релевантное время в ином месте и использование им компьютерных и иных электронных устройств» [7, с. 28].

О.П. Виноградова считает, что «Сущность «цифрового алиби» заключается в том, что подозреваемый, обосновывая его, опирается на данные своего компьютера или гаджета, которые свидетельствуют о том, что в уголовно-релевантное время он находился вне места совершения преступного деяния и работал на данном устройстве» [8, с. 65].

А.В. Малык в своем определении указывает: «… «цифровое алиби» представляет собой обстоятельство, подтверждающее деятельность субъекта, неразрывно связанную с намеренным или ненамеренным использованием многочисленных информационных систем, функционирующих на разных технологических основаниях, фиксирующих определенное изменение информации, в уголовно релевантное время в месте, отличном от совершения преступления, посредством образования преимущественно виртуальных следов [9, с. 158].

В.Б. Вехов и А.Б. Смушкин разрабатывая рекомендации по проверке цифрового алиби с использованием современных достижений цифровой криминалистики дают следующее определение

цифрового алиби: «Под цифровым алиби мы понимаем объективное подтверждение непричастности заподозренного лица (проверяемого подозреваемого, обвиняемого) к совершению преступления установленное/подтвержденное следами в киберпространстве информационно-технологических устройств и показателями этих устройств» [10, с. 232]. Ключевым моментом здесь является то, что «Информация, служащая подтверждением или опровержением цифрового алиби, является в большинстве случаев цифровой, не подлежит непосредственному визуальному изучению и требует дополнительной обработки, аналитики и цифро-аналогового преобразования» [10, с. 232].

Исследователи сходятся во мнении, что современная концепция цифрового алиби включает следующие ключевые элементы:

– временную привязку к «уголовно-релевантному времени» — т.е. к моменту совершения преступления;

– пространственное несовпадение, выражающееся в утверждении лица о нахождении в ином месте;

– взаимодействие с цифровой системой (устройством, сетью или онлайн-сервисом), в результате которого формируются виртуальные следы;

– доказательственную функцию этих следов, способных подтверждать или опровергать заявленное алиби;

– отсутствие необходимости в прямых очевидцах, поскольку доказательственная сила исходит непосредственно от цифровых данных.

Однако современные подходы — в особенности в работах А.В. Малык (2024) — акцентируют внимание на следующих аспектах:

– многоуровневости источников цифровых следов, включающих разнородные ИТ-системы, онлайн-платформы и сетевые протоколы;

– автоматическом или пассивном характере генерации следов, при котором их фиксация не требует намеренного действия со стороны пользователя;

– виртуальной природе таких доказательств, которая не всегда коррелирует с физическим местоположением лица.

В научной литературе высказывается точка зрения о необходимости расширения понятия алиби применительно к дистанционным преступлениям.

Предлагается рассматривать алиби не только как доказательство физического отсутствия лица в месте преступления, но и как доказательство отсутствия технической возможности совершения дистанционного преступления. Например, отсутствие доступа в Интернет, нахождение в зоне отсутствия сотовой связи, использование устройств, не позволяющих совершить инкриминируемые действия. Для отнесения преступлений к разновидности дистанционных, во-первых, необходимо наличие территориальной разобщенности между субъектом и потерпевшим, во-вторых, между ними должен отсутствовать прямой физический контакт. Дистанционным преступлениям также свойственен признак полной, либо частичной опосредованности. Он означает, что виновный может лишь стимулировать виктимное поведение потерпевшего, создавая фактически его руками криминогенную обстановку, в рамках которой в последующем реализуется преступление [11, с. 72].

При совершении киберпреступлений традиционное понимание алиби как физического нахождения лица в ином месте теряет свою актуальность. Для таких преступлений более релевантным становится понятие «хронотопа» — единства пространственно-временных координат события преступления.

Революционным шагом в развитии концепции цифрового алиби стало вве-

 DOI 10.17150/2411-6122.2025.4.63-71 ISSN 2411-6122

дение В.В. Поляковым понятия «хронотопа преступления». Заимствуя термин из гуманитарной традиции (впервые разработанный М.М. Бахтиным для анализа художественного времени и пространства), автор адаптирует его к потребностям наук криминального цикла. В уголовно-процессуальном и криминалистическом дискурсе «хронотоп преступления» трактуется как неразрывное единство пространственно-временных координат преступного события. Такой подход позволяет системно соотносить цифровые следы с конкретным моментом и локацией совершения преступления, тем самым повышая точность верификации цифрового алиби и укрепляя его доказательственную ценность.

В.В. Поляков указывает на особенности алиби при дистанционных преступлениях и формулирует обновленной трактовку понятия. Автор делает вывод: «для подтверждения цифрового алиби требуется установление ряда новых обстоятельств события преступления и привлечение совокупности дополняющих друг друга традиционных и электронных доказательств» [12, с. 145–154].

Проверка цифрового алиби представляет собой специфическую форму криминалистической реконструкции преступного события, требующую применения комплекса тактических, технических и процессуальных методов. В условиях стремительной цифровизации общества и повсеместного использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) алиби все чаще основывается не на показаниях свидетелей, а на объективных цифровых следах — логах устройств, геолокационных данных, записях видеонаблюдения, активности в социальных сетях и других формах цифрового поведения. В этих условиях тактика проверки цифрового алиби приобретает особое значение как элемент методики расследования.

Центральное место в указанной методике занимает моделирование — криминалистический метод, позволяющий воссоздать гипотетическую картину событий на основе имеющихся данных об алиби [13]. Модель должна отражать хронологию и характер цифровой активности подозреваемого в критический временной интервал и обеспечивать возможность прогнозирования альтернативных сценариев, включая вероятность фальсификации доказательств.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Цифровое алиби представляет собой новое явление криминалистики, обусловленное цифровизацией общественных отношений и характеризующееся использованием виртуальных следов для доказывания невозможности совершения лицом инкриминируемого деяния. Сущность цифрового алиби заключается в подтверждении нахождения подозреваемого (обвиняемого) вне места преступления или отсутствия у него технической возможности совершения дистанционного преступления посредством цифровых следов его взаимодействия с информационными системами.

Нами предлагается авторское определение цифрового алиби : *Цифровое алиби — это установленное в ходе расследования обстоятельство, подтверждающее, что в уголовно-релевантное время лицо находилось в месте, отличном от места совершения преступления, на основании объективных цифровых следов, сгенерированных в результате его взаимодействия (прямого или опосредованного) с информационными системами, устройствами или сетевыми сервисами, и поддающихся верификации через независимые источники цифровых доказательств.*

Анализ научной литературы позволяет выделить три основных компонен-

та концепции цифрового алиби. Первый компонент — временной — предполагает точное установление времени совершения преступления и времени фиксации цифровых следов активности лица. Второй компонент — пространственный — требует определения местонахождения как места преступления, так и места нахождения устройства, с которым взаимодействовало лицо. Третий компонент — доказательственный — включает совокупность цифровых следов, подтверждающих взаимодействие конкретного лица с информационной системой.

Сущность цифрового алиби заключается в использовании виртуальных следов для доказывания физической или логической невозможности совершения лицом инкриминируемого ему деяния. Виртуальные следы представляют собой информацию, зафиксированную в цифровой форме в результате взаимодействия пользователя с информационными системами. К таким следам относятся логи серверов, данные о местоположении мобильных устройств, записи о транзакциях в электронных платежных системах, сообщения в мессенджерах и социальных сетях, данные систем видеонаблюдения и контроля доступа.

Принципиальная особенность цифрового алиби состоит в том, что доказательственная информация существует в нематериальной форме и не может быть непосредственно воспринята органами чувств без использования специальных технических средств. Это обусловливает необходимость применения специальных познаний для обнаружения, фиксации, изъятия и исследования цифровых следов. Кроме того, цифровая информация характеризуется высокой степенью изменчивости и подверженности модификации, что создает риски фальсификации цифрового алиби.

Важно отметить, что цифровое алиби может подтверждать невозможность совершения преступления как в физическом, так и в виртуальном пространстве. При совершении традиционных преступлений цифровое алиби доказывает физическое нахождение лица в ином месте. При совершении киберпреступлений цифровое алиби может подтверждать отсутствие лица в виртуальном пространстве или его присутствие в другом сегменте информационно-телекоммуникационной сети в момент совершения противоправного деяния.

Список использованной литературы

1. Casey E. Digital Evidence and Computer Crime: Forensic Science, Computers, and the Internet / E. Casey. — Academic press, 2011. — 840 p.

2. Мещеряков В.А. Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / В.А. Мещеряков. — Воронеж, 2001. — 387 с.

3. Мещеряков В.А. Цифровые (виртуальные) следы в криминалистике и уголовном процессе / В.А. Мещеряков. — EDN SWFDXX // Воронежские криминалистические чтения. — 2008. — № 9. — С. 221–232.

4. Пономарев И.П. Цифровое алиби и его проверка / И.П. Пономарев. — EDN ONUEZX // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2011. — № 2. — С. 437–444.

5. Кручинина Н.В. Алиби: теоретические проблемы и их прикладное значение в уголовном судопроизводстве / Н.В. Кручинина, В.И. Шиканов. — Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1992. — 200 с.

6. Смирнова И.Г. Значение алиби по делам о преступлениях в сфере компьютерной информации: в развитие идей В.И. Шиканова / И.Г. Смирнова. — EDN VKSNIT // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2015. — № 2 (8). — С. 81–87.

7. Смушкин А.Б. К вопросу о «цифровом алиби» в криминалистике / А.Б. Смушкин. — EDN GMKHKL // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. — 2019. — № 2(14). — С. 28–33.

8. Виноградова О.П. Криминалистические особенности исследования «цифрового алиби» / О.П. Виноградова. — DOI 10.24412/2071-6184-2023-2-64-70. — EDN TTYMJX // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2023. — № 2. — С. 64–70.

9. Малык А.В. Цифровое алиби: понятие, сущность, проверка / А.В. Малык. — DOI 10.21779/2224-0241-2024-51-3-155-161. — EDN JSRTJQ // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. — 2024. — Т. 51, № 3. — С. 155–161.

10. Вехов В.Б. Клавиатурный почерк, цифровые отпечатки и другие средства проверки цифрового алиби / В.Б. Вехов, А.Б. Смушкин // Вестник криминалистики. — 2025. — № 3 (164). — С. 230–237.

11. Зезюлина Т.А. Понятие и признаки дистанционных преступлений / Т.А. Зезюлина, Н.А. Горшкова. — DOI 10.24833/2073-8420-2024-4-73-68-75. — EDN EVHHVN // Право и управление. XXI век. — 2024. — Т. 20, № 4. — С. 68–75.

12. Поляков В.В. Понятие алиби по преступлениям, совершаемым с использованием информационных сетей / В.В. Поляков. — DOI 10.34076/20713797_2024_3_43. — EDN BCSIIO // Российский юридический журнал. — 2024. — № 3. — С. 43–53.

13. Степаненко Д.А. Моделирование в процессе проверки алиби подозреваемого, обвиняемого / Д.А. Степаненко. — DOI 10.17150/2411-6122.2021.4.87-94. — EDN SWZLUT // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2021. — № 4. — С. 87–94.

References

1. Casey E. *Digital Evidence and Computer Crime: Forensic Science, Computers, and the Internet*. Academic press, 2011. 840 p.

2. Meshcheryakov V.A. *Basics of Crime Investigation Methodology in the Sphere of Computer Information. Doct. Diss*. Voronezh, 2001. 387 p.

3. Meshcheryakov V.A. Digital (Virtual) Traces in Criminalistics and Criminal Process. *Voronezhskie kriminalisticheskie chteniya = Voronezh Criminalistic Readings*, 2008, no. 9, pp. 221–232. (In Russian). EDN: SWFDXX.

4. Ponomarev I.P. Digital Alibi and its Verification. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, 2011, no. 2, pp. 437–444. (In Russian). EDN: ONUEZX.

5. Kruchinina N.V., Shikanov V.I. *Alibi: Theoretical Problems and their Practical Significance in Criminal Proceedings.* Irkutsk State University Publ., 1992. 200 p.

6. Smirnova I.G. Value of the Alibi on Cases of Crimes in the Sphere of Computer Information: in Development of Ideas of V.I. Shikanov. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2015, no. 2, pp. 81–87. (In Russian). EDN: VKSNIT.

7. Smushkin A.B. On the Issue of "Digital Alibi" in Criminalistics. *Problemy ugolovnogo protsessa, kriminalistiki i sudebnoi ekspertizy = Criminal Procedure, Criminalistics and Judicial Examination Problems*, 2019, no. 2, pp. 28–33. (In Russian). EDN: GMKHKL.

8. Vinogradova O.P. Forensic Features of "Digital Alibi" Research. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki = Izvestiya of Tula State University. Economic and Legal Sciences*, 2023, no. 2, pp. 64–70. (In Russian). EDN: TTYMJX. DOI: 10.24412/2071-6184-2023-2-64-70.

9. Malyk A.V. Digital Alibi: Concept, Essence, Verification. *Yuridicheskii vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta = Law Herald of Dagestan State University*, 2024, vol. 51, no. 3, pp. 155–161. (In Russian). EDN: JSRTJQ. DOI: 10.21779/2224-0241-2024-51-3-155-161.

10. Vekhov V.B., Smushkin A.B. Keystroke Dynamics, Digital Prints and Other Means of Verifying a Digital Alibi. *Vestnik kriminalistiki = Bulletin of Criminalistics*, 2025, no. 3, pp. 230–237. (In Russian).

11. Zezyulina T.A., Gorshkova N.A. The Concept and Signs of Remote Crimes. *Pravo i upravlenie. XXI vek = Journal of Law and Administration*, 2024, vol. 20, no. 4, pp. 68–75. (In Russian). EDN: EVHHVN. DOI: 10.24833/2073-8420-2024-4-73-68-75.

12. Polyakov V.V. The Concept of Alibi For Crimes Committed Using Information Networks. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Law Journal*, 2024, no. 3, pp. 43–53. (In Russian). EDN: BCSIIO. DOI: 10.34076/20713797_2024_3_43.

13. Stepanenko D.A. Modeling in the Process of Verifying a Suspect's and a Defendant's Alibis. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2021, no. 4, pp. 87–94. (In Russian). EDN: SWZLUT. DOI: 10.17150/2411-6122.2021.4.87-94.

Информация об авторе

Реховский Александр Федорович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Институт права, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Российская Федерация, SPIN-код: 9687-9569.

Author Information

Rekhovskiy, Alexander F. — Ph.D. in Law, Ass. Professor, Department of Criminal Law Disciplines, Institute of Law, Vladivostok State University, Vladivostok, the Russian Federation, SPIN-Code: 9687-9569.

Поступила в редакцию / Received 02.11.25

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 07.11.25

Принята к публикации / Accepted 18.11.25

Дата онлайн-размещения / Available online 28.11.25